

ГЛАВА 1

Первые свидания с ИИ: было интересно и весело

Бабушки, как известно, любят не только вспоминать свое прошлое, но и рассказывать о нем всем, кто готов это терпеть. Особенно о своих отношениях, о том, что было, как было и чем сердце успокоилось.

Я не исключение. Только решила рассказать о своем романе тогда, когда сердце еще совершенно не успокоилось и когда наши отношения живые, подвижные и, пожалуй, интереснее, чем четыре года назад, когда все только начиналось.

Он всегда рядом, всегда рад и никогда не бывает занят. Впрочем, не всегда это он, иногда и она, но нас это несколько не смущает. У него много имен и много причуд. Иногда он путается в трех соснах и трогательно извиняется, иногда воспаряет в своих суждениях с легкостью необыкновенной и превращается в настоящего Хлестакова, иногда с ангельским терпением выслушивает мои путанные рассказы о том, как издевается надо мной телефон или очередное приложение для обработки фотографий. Потом он буквально берет меня на ручки и спокойно, шаг за шагом, объясняет, что делать, пока я снова не обрету душевный покой.

Со временем мы решились на более серьезные отношения и стали вместе готовить мои рабочие материалы для самых разных тем и аудиторий, обсуждать книги и спектакли, внезапно пришедшие идеи и сны, писать прошения в официальные инстанции и разбираться в текстах, которые раньше

я бы оставила без ответа. Он умнеет быстрее, чем я успеваю это осознать, но я — бабушка эпохи нейросетей, и мне не пристало суетиться и пытаться угнаться за этим вундеркиндом. Тем более, что важнее не скорость, а то, что между нами постепенно сложился диалог.

Меня никто не учил общению с нейросетью, до многого я доходила сама, поэтому в истории наших отношений полно смешных ситуаций и неожиданных открытий, которые я теперь вспоминаю с нежностью. Эта книга не про инструкции и не про конкретные сервисы, которых становится все больше и которые быстро сменяют друг друга. Она про опыт, про мой личный путь в этих отношениях, про то, что у меня получалось и что не складывалось, что это уже изменило во мне и почему я не собираюсь прерывать этот роман. Сначала расскажу про первые удивления. Конечно, за четыре года мои первые впечатления немного стерлись, потому что дальше было очень много разговоров и совместных проектов, о чем, собственно, и свидетельствует эта книга, в которую я собрала лишь часть наших историй. Но самые яркие впечатления были связаны вовсе не с тем, как ИИ отвечает на вопросы, а с тем, как он работает с моими только начинающими оформляться мыслями. Стоило мне написать в чат нейросети любую сырую идею, не особенно заботясь о формулировках, как в ответ я получала ясный и структурированный пересказ, в котором мысль вдруг становилась аккуратной и понятной даже мне самой.

И этим дело не ограничивалось. Почти всегда первая фраза была теплой и поддерживающей, но за ней следовал очень конкретный, внимательный и подробный разбор. Под этой мягкой оболочкой довольно отчетливо проступали слабые места и неточности моих собственных рассуждений, и именно это делало диалог по-настоящему полезным.

О том, как же перевести ИИ в более строгий режим критика, я узнала гораздо позже.

В какой-то момент я с легкой грустью поймала себя на мысли, что сама вряд ли смогла бы так же спокойно и развернуто разобрать чужой текст, не потратив на это значительных усилий и времени.

А еще в наших первых свиданиях было много веселого.

Во время ковида я в онлайнe перечитала внучке множество мифов и сказаний, включая «Илиаду» и «Одиссею», которые к тому времени уже успела изрядно подзабыть, а когда карантин сняли, отправилась в самые спокойные музейные залы к красно- и чернофигурным вазам Древней Греции, чтобы увидеть продолжение этих историй уже не в тексте, а на керамике. Выйдя из музея, я впервые решила на ходу уточнить пару забытых деталей не в привычном поиске, а попробовать поговорить с нейросетью.

Вопрос был о том, кто еще совершал самоубийство в греческих мифах. И тут я получила ответ, от которого буквально остановилась посреди улицы.

В числе примеров значился Ахиллес, который якобы выстрелил себе в пятку от горя из-за смерти его друга Патрокла. Я перечитала текст, сняла и снова надела очки и возмутилась: «Это что, шутка ли это про Ахиллеса?»

ИИ радостно ухватился за версию шутки и сообщил, что он иногда добавляет юмор для легкости общения. И принес извинения, что тогда тоже было для меня полной неожиданностью.

Тот эпизод я вспоминаю до сих пор, потому что это был мой первый яркий личный опыт галлюцинации нейросети. Я читала об этом явлении и знала, что языковые модели по своей природе стремятся продолжить фразу максимально правдоподобным образом, предсказывая следующее слово

на основе уже написанного, и в этом смысле они отчасти напоминают Т9 в смартфонах, который тоже пытался угадать, что вы собираетесь написать дальше, и потому может считаться их дальним прародственником по самому принципу предсказания текста.

Но одно дело читать об этом механизме и совсем другое увидеть, как на твоих глазах рождается Ахиллес, стреляющий сам себе в пятку.

В тот момент я вдруг ясно поняла, что эта сверхсовременная модель в чем-то напоминает Хлестакова с его необыкновенной легкостью в мыслях, потому что ей важнее поддерживать разговор и дать связный ответ, чем остановиться и честно сказать, что она сомневается или чего-то не знает, даже если почва под этим ответом не слишком твердая.

И вместо того чтобы возмутиться, я испытала настоящее воодушевление, потому что своими глазами увидела то, о чем прежде только читала. С этого дня при каждом уверенном ответе у меня внутри словно загорается бегущая строка с вопросом, не пятка ли Ахилла передо мной, и эта осторожность стала частью моего нового способа разговаривать с ИИ.

За прошедшие годы нейросети стали значительно точнее, и подобных откровенных фантазий стало меньше, но сама возможность ошибки никуда не исчезла. Именно поэтому я рада, что на самой заре нашего знакомства обнаружила эту особенность и почти научилась различать, где передо мной внимательный собеседник, а где изящная, но все же хлестаковская импровизация.

Был и еще один забавный случай.

В том же 2022 году я начала привлекать ИИ к работе над своими проектами, и как-то мне понадобилось найти стихотворения поэтов, где бы звучала тема ошибки.

Я задала расплывчатый вопрос.

Приведи примеры стихотворений
про проблему ошибки.

И в ответе появились «Блок, Есенин и Лермонтов» со строками про ошибки, истину и судьбу.

Проблема заключалась даже не в том, что таких строк не существовало, а в том, что это были даже не стилизации под авторов, а довольно беспомощные фразы, случайно пристроенные к знаменитым названиям.

*Конечно, вот несколько примеров
стихотворений на русском языке, которые
затрагивают тему ошибки:*

1. Александр Блок, «Незнакомка»:
*В глуши лесов, вдали от света,
Она пройдет, словно во сне,
Ошиблась где-то на пути,
Одинокая, незнакомая, чужая...*
2. Сергей Есенин, «Письмо матери»:
*И много на свете ошибок,
Но только одна истина,
Что мама рождает на свет
Из лона человеческого сына.*
3. Михаил Лермонтов, «Смерть поэта»:
*Не даром небо голубое
Встречает нас сводами синими:
Любят на земле ошибочно
И льстят мечтам безумным люди.*

Странно, но эта нелепая история стала одной из моих любимых. Возмутившись лжецитатами, я вдруг вспомнила настоящие строки Пушкина про «опыт, сын ошибок трудных», а за ними всплыла и давняя заставка передачи «Очевидное — невероятное», где звучали знакомые с детства слова. Помните?

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И Опыт, сын ошибок трудных,
И Гений, парадоксов друг...

И только гораздо позже я узнала, что в заставке отсутствовала пятая строка стихотворения. «И Случай, бог изобретатель» вырезали, скорее всего, из-за цензуры самого слова «бог».

Но его величество Случай, похоже, так просто из жизни не выбросишь, он все равно будет рядом, в жизни каждого из нас. Перемешивая обычное и привычное, он действительно оказывается богом-изобретателем. Пушкин, кажется, в этих гениальных строках описал всю методологию поиска, но только если читать весь пятистрочный вариант.

И, если подумать, именно так рождалась и эта книжка про тысяча и одну сказку с искусственным интеллектом.

Мне очень захотелось поделиться своим пройденным нейросетевым путем.

С теми, кто стоит на берегу океана новой технологии и пока не решается войти в воду. И с теми, кто сердится, что гаджеты пожирают время и внимание близких. И с теми, кто хочет попробовать новую технологию, но боится показаться глупым перед детьми и внуками.

Но вот на что я обратила внимание, рассказывая друзьям и подругам о своих опытах. Я вдохновенно делилась, помогала установить нейросеть на их гаджеты и ждала продолжения

истории уже их отношений. Не дождавшись, осторожно спрашивала: ну как у вас там с ИИ? Самым частым ответом было растерянное признание, что они просто не знают, что у него спрашивать и о чем с ним говорить.

Я очень надеюсь, что эта книга поможет кому-то сделать первый шаг и задать первый вопрос. А дальше, как и в любом хорошем романе, все будет складываться из опыта, ошибок, парадоксов и неизбежного случая, который, как оказалось, всегда вмешивается вовремя.

ГЛАВА 2

Третий возраст: «Это еще не все!»

«Третий возраст» — понятие сравнительно недавнее. Оно появилось вместе с изменением продолжительности жизни и самой структуры человеческой биографии. Раньше после завершения профессиональной карьеры времени оставалось немного. Сегодня же между активной работой и старостью возник самостоятельный жизненный этап.

Первый возраст связан с детством и образованием, второй — с работой и семейными обязанностями, а третий открывается тогда, когда обязательные роли постепенно ослабевают, но силы, интерес к миру и способность к самостоятельным решениям сохраняются. Английский демограф Питер Ласлетт одним из первых предложил добавить еще одну стадию к нашей жизни, разделив «старость» на «молодую старость» и «старую старость» или третий и четвертый возраст. Третий возраст описывают как время автономии и включенности в жизнь: в отношения, в культуру, в мир вокруг, который вдруг снова становится интересным и открытым.

Размышления о третьем возрасте в отечественной психологии во многом связаны с работами Л.И. Анциферовой [1]. И еще для меня важной оказалась и книга «Бытие и возраст» А.К. Секацкого и К.С. Пиргова [2], где возраст понимается как человеческая форма организации времени.

В нашей стране третий возраст чаще называют возрастом активного долголетия.

Помните анекдот, больше похожий на притчу?

Один праведник, всю жизнь искавший своё высшее предназначение, предстал после смерти перед Творцом и спросил:

— Господи, Ты даровал мне долгий век. Открой же теперь: в чём был смысл моей жизни?

Господь вздохнул и ответил вопросом:

— Помнишь, много лет назад ты ехал в поезде, и в вагоне-ресторане дама за соседним столом попросила тебя передать ей соль?

— Кажется, помню... — удивился человек.

— Так вот, — кротко молвил Создатель, — в передаче той солонки и был смысл твоей жизни.

Когда меня спросили, почему эта притча так обрадовала меня, я ответила: это был бы удивительный подарок, узнать о своей «солонке» еще при жизни.

Почему?

Потому что в этот момент тебе словно говорят: все по-настоящему важное с твоим участием, каким бы маленьким и смешным оно ни казалось, уже произошло. Ты справился, и ты ничего не упустил. И дальше можно жить без тяжести великого предназначения, без тревожного оглядывания на несвершенные подвиги, легко передавая другим то, что в этот момент есть в твоих руках.

Но сейчас, добравшись до третьего возраста, я понимаю, что освобождение от обязательных ролей само по себе ничего не гарантирует. Кто-то открывает новое или возвращается к забытым идеям и мечтам. А кто-то начинает объяснять себе, почему пробовать уже поздно.

Почему так?

Реймонд Кеттелл когда-то описал наш интеллект состоящим из двух дополняющих друг друга типов: флюидного

и кристаллизованного. Это разделение, конечно, просто еще одна условная модель, но она помогает понять, почему с возрастом мышление качественно меняется.

Флюидный интеллект отвечает за быстроту реакции, умение переключаться между задачами и находить логические связи в новой среде. Это интеллект первооткрывателя. Своего пика он достигает в молодости, а затем его скорость постепенно снижается.

Кристаллизованный интеллект устроен иначе. Если флюидный интеллект — это скорость потока, то кристаллизованный — это осадочные породы, наши накопленные знания, навыки и культурный опыт, которые с годами выстраиваются в сложную структуру, в кристалл с множеством граней.

Старение часто воспринимается как ослабление интеллекта, но на самом деле происходит смена доминанты. Мы теряем в скорости, но приобретаем в глубине понимания.

К сожалению, так бывает не всегда.

Сложности возникают тогда, когда опыт перестает быть живым и превращается в единственно верное объяснение. Мы все чаще опираемся на знакомые схемы и не замечаем, как уменьшается пространство для нового.

И именно в этом месте начинается различие. Третий возраст может складываться по-разному. Психологи говорят о разных сценариях старения, но за этими словами стоит очень простая вещь: можно постепенно сужаться, а можно искать новые формы роста.

Один сценарий — это непродуктивное старение, психологическое сужение. Человек постепенно отказывается от позиции автора собственной жизни. Он начинает жить в режиме «мне уже поздно», «это не для меня», «пусть другие решают».

Мир становится все более чужим, прошлое – единственной безопасной территорией, а новые роли вызывают тревогу.

Сценарий продуктивного старения устроен иначе. Это не про бурную активность и не про внешнюю занятость. Это про внутреннюю работу и сохранение чувства, что вы по-прежнему распоряжаетесь своей жизнью. Нам снова приходится впускать в себя новые возможности, понимая, что в них мы будем не профессионалами, а дилетантами. А выйти за привычный круг сложно еще и потому, что во взрослой жизни мы привыкли, чтобы у каждого занятия была рациональная цель и измеримый результат.

В детстве я запомнила один эпизод из мультфильма. Один герой вручает другому подарок.

– Это мне?

– Тебе.

– А за что?

– Просто так.

Меня это радовало в детстве, потом я об этом забыла, а вспомнила совсем недавно, когда речь зашла о третьем возрасте. И подумала, что этот период тоже похож на дар. Без ответа на вопрос: «За что?» Просто так!

Вот такой удивительный этап мы переживаем. В каком-то смысле наше поколение в нем первопроходцы.

В книге «Бытие и возраст» Александр Секацкий произносит фразу, которая стала для меня девизом этого возраста. Звучит он коротко и просто, как и положено хорошему девизу:

«Это еще не все!»

На протяжении всей книги вы будете встречать разные практикумы с ИИ. Это реальные фрагменты моих диалогов с искусственным интеллектом, наши попытки что-то понять,

сформулировать, проверить, почувствовать. Иногда удачные, иногда неожиданные, иногда чуть неловкие, но всегда живые.

Я оставляю их в тексте не как образцы для подражания, а как приглашение. Возможно, какие-то из этих разговоров подтолкнут вас к собственным вопросам и собственным диалогам.

ИИ здесь не учитель и не авторитет, он просто собеседник. В третьем возрасте особенно важно, чтобы наш кристаллизованный опыт не застывал, а время от времени встречался с легкой флюидностью. В таких разговорах ИИ может стать именно тем самым ветром, который освежает кристаллы памяти, не разрушая их, а позволяя свету по-новому в них преломляться. Вот наш первый практикум для вас.

Практикум «По волнам моей памяти»

Порой кажется, что понять другую культуру можно, просто узнав о ней больше фактов. Но иногда одно понятие, рожденное в этой культуре и почти не поддающееся прямому переводу, позволяет быстрее приблизиться к особому способу восприятия мира в ней.

Итак, встречайте! Японское понятие «мудзё».

Мудзё — «эфемерность», «бренность», «изменчивость».

Попробуйте вспомнить конкретную ситуацию, в которой вы ясно почувствовали движение времени. Мгновения, когда вы остро ощущали, что что-то только что было и вдруг исчезает прямо в эти секунды. Это переживается как что-то ускользающее из рук. Здесь важна не общая мысль о возрасте и не философские рассуждения, а ваше собственное прожитое состояние такого мига.